

В. А. Зверев

**«РОДИТСЯ НА СМЕРТЬ, УМРЕТ НА ЖИВОТ». ЕСТЕСТВЕННОЕ
ДВИЖЕНИЕ НАСЕЛЕНИЯ СИБИРИ ЗА 30 ЛЕТ (1884–1914)**

Опубликовано: Зверев, В. А. «Родится на смерть, умрет на живот» : естественное движение населения Сибири за 30 лет (1884–1914) / В. А. Зверев // Современное историческое сибиреведение XVII – начала XX в. : к 40-летию проф. Ю. М. Гончарова : сб. науч. тр. / под ред. В. А. Скубневского. – Барнаул : Азбука, 2008. – Вып. 2. – С. 106–124.

Сегодня в России уже нет необходимости доказывать важность решения накапливавшихся долгое время социально-демографических проблем, а значит, и усиления исследовательского внимания как к нынешнему состоянию демографической сферы, так и к истории складывания наличной ситуации. Сибиряков особенно интересует региональный аспект социально-демографической проблематики: какие общие черты и особенности имела в Сибири модернизация социально-демографической сферы, развернувшаяся, как и во всей стране, со второй половины XIX столетия и длившаяся затем не меньше века? Почему у нас так слабо проявили себя позитивные последствия демографического перехода, с такой повышенной обостренностью проявились в прошлом и представлены сейчас демографические «завалы»? Вопросов много, научно аргументированных ответов мало. Обширное исследовательское пространство – историческая демография Сибири эпохи модернизации общества, как понимают специалисты, нуждается в более интенсивном освоении и разработке.

Настоящая статья задумана автором для решения ряда конкретных научно-исследовательских задач. Главная из них – дать количественную характеристику и объяснение исторической динамики естественного

движения населения – его смертности, рождаемости и естественного прироста: а) во всей Сибири 1884–1914 гг.; б) в ее наиболее крупных субрегионах – Западной и Восточной Сибири, во всех губерниях и областях. Вторая задача – выявить общие черты и особенности естественного движения населения: а) в разных административно-территориальных комплексах Сибири; б) в Сибири, сравнительно с Европейской Россией и империей в целом. Третья, вспомогательная задача – ввести в научный оборот в относительно полном виде комплекс статистических данных главного медицинского ведомства Российской империи о движении народонаселения в сибирских губерниях и областях с 1884 по 1914 г.

Хронологические границы исследования в данном случае обусловлены, во-первых, методологически – мы исходим из представления о том, что именно на рубеже XIX–XX вв. в сознании и поведении значительной части населения России проявляются ощутимые признаки демографической модернизации (демографической революции, демографического перехода). Во-вторых, рамки задаются состоянием той источниковой базы, которую мы здесь мобилизовали: именно с середины 1880-х гг. медицинское ведомство России стало ежегодно разрабатывать и публиковать данные об естественном движении населения сибирских губерний и областей, доведя эти публикации до Первой мировой войны. Территориальные границы исследования: Сибирский регион в пределах Западной Сибири (Акмолинская обл., Тобольская и Томская губернии) и Восточной Сибири (Енисейская и Иркутская губернии, Забайкальская обл.).

Следует сказать, что статистики, демографы и историки (С.К. Патканов, А.Г. Рашин, В.К. Яцунский, Р.И. Сифман, В.М. Кабузан, Л.М. Горюшкин, В.И. Пронин, В.А. Скубневский с Ю.М. Гончаровым и др.) ранее уже касались отдельных аспектов заявленной нами темы¹. В литературе

¹ См.: Патканов С.К. О приросте инородческого населения Сибири. СПб., 1911; Рашин А.Г. Население России за 100 лет (1811–1913 гг.). М., 1956. С. 22, 230–231; Яцунский В.К. Роль миграций и высокого естественного прироста населения в заселении колонизованных районов России // Вопросы географии. М., 1970. Сб. 83. С. 34–44; Горюшкин Л.М. К характеристике народонаселения Сибири периода империализма //

прозвучали, в частности, обоснованные положения и выводы: 1) о принципиальной однотипности демографической ситуации и режима естественного движения населения в Европейской России и на зауральской окраине империи второй половины XIX – начала XX вв.; 2) о нарастании в это время темпов естественного прироста населения в Сибири, который, несмотря на временные спады, намного обгонял рост производительных сил, например, местного крестьянского хозяйства; 3) о качественном переломе демографической ситуации в Сибирском регионе, наступившем на рубеже 1880–1890-х гг., когда естественный прирост населения здесь, отстававший в течение первых пореформенных десятилетий, стал устойчиво более высоким, чем в Европейской России и прочих регионах страны; 4) о выделении в динамике народонаселения Сибири нескольких этапов, хронологические рамки которых включают 1897–1905, 1906–1909, 1910–1913 и 1914–1917 гг., с вычленением двух подэтапов в первом этапе; 5) о преобладающей роли в Сибири второй половины XIX – начала XX вв. естественного прироста населения над механическим, за исключением периодов 1897–1901 и 1906–1909 гг., когда массовые волны переселенцев обусловили доминирование механического прироста; 6) об особенностях естественного движения в разных категориях населения Сибирского региона: у горожан и деревенских жителей, у русских и аборигенов, в старожиллом крестьянстве и среде недавних переселенцев. Однако высказывались и неосновательные утверждения. Наиболее одиозное из них – что на протяжении всей эпохи капитализма для Сибири был характерен «колониальный» тип

Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири. Новосибирск, 1975. С. 75–89; Сифман Р.И. Динамика численности населения России за 1897–1914 гг. // Брачность, рождаемость, смертность в России и в СССР. М., 1977. С. 62–82; Кабузан В.М. Заселение Сибири и Дальнего Востока в конце XVIII – начале XX вв. // История СССР. 1979. № 3. С. 22–38; Пронин В.И. Население Сибири за 50 лет (1863–1913 гг.) // История СССР. 1981. № 4. С. 50–69; Скубневский В.А., Гончаров Ю.М. Города Западной Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. 2-е изд., доп. Барнаул, 2007. С. 79–93, 247–250; и др.

воспроизводства населения с низким, а иногда и отрицательным естественным приростом¹.

Новосибирский историк В.И. Пронин построил наиболее полный, на сегодняшний день, динамический ряд ежегодных показателей естественного прироста населения всей Сибири, а также Западной и Восточной Сибири за период с 1861 по 1913 г.² Тем не менее, некоторые особенности его работы способны вызвать неудовлетворенность. Территориальные границы подсчетов В.И. Пронина не включают в себя Акмолинскую обл. с Омском, зато охватывают Якутскую обл., которую с учетом нынешнего административного и экономического районирования лучше относить не к Сибирскому, а к Дальневосточному региону. Статистические данные для подсчетов взяты автором из материалов губернаторских отчетов и «Обзоров» губерний и областей. Конечно, не существует иных источников, позволяющих в динамике проследить естественное движение населения в Сибири за 50 лет, но автор не использовал статистику медицинского ведомства, дающую наиболее достоверные и дифференцированные динамические ряды за более короткий период 1884–1914 гг. Зафиксировав периодичность в динамике естественного прироста населения региона, указав, что только действием социально-экономических факторов ее объяснить невозможно, историк не дал комплексного анализа причин этого «весьма неожиданного и необычного», по его мнению, явления³.

Автор настоящей статьи в ряде своих работ, посвященных воспроизводству населения досоветской Сибири⁴, частично уже ввел в

¹ См.: Федотов Н.П., Мендрин Г.И. Очерки по истории медицины и здравоохранения Сибири. Томск, 1975. С. 17; Ноздрин Г.А. Демографические аспекты внутренней политики самодержавия в Сибири // Исторический опыт социально-демографического развития Сибири. Новосибирск, 1989. Вып. 1. С. 103; и др.

² См.: Пронин В.И. Население Сибири за 50 лет. С. 63.

³ Там же. С. 64–65.

⁴ См.: Зверев В.А. Особенности естественного движения городского и сельского населения Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Город и деревня Сибири в досоветский период. Новосибирск, 1984. С. 103–113; Он же. Воспроизводство сибирского населения на начальном этапе демографического перехода в России // «Сибирь – мой край...»: Проблемы региональной истории и исторического образования. Новосибирск, 1999. С. 130–153; Он же. Старт модернизации: Демографические процессы в городах и селениях Сибири (конец XIX – начало XX в.) // Сибирь в XVII–XX вв.: демографические процессы и общественно-политическая жизнь. Новосибирск, 2006. С. 57–72; Он же. Естественное движение населения Западной Сибири на

научный оборот статистику медицинского ведомства, относящуюся к нашему региону, а также к Европейской России и всей империи. Рассчитаны и прокомментированы показатели естественного движения населения в сельском и городском комплексах всей Сибири, в губерниях и областях Западной Сибири, динамика показателей прослежена по 4–5-летним этапам. Но в наших работах в основном характеризовался поздний период 1897–1914 гг., а 1880-е – первая половина 1890-х гг. были представлены слабо, не были представлены диахронические ряды ежегодных демографических показателей, не выявлена динамика естественного движения населения в губерниях и областях Восточной Сибири.

Основным, хотя и не единственным, источником информации в настоящей статье, как и в некоторых наших прежних трудах, стала текущая административная статистика численности и естественного движения населения России и ее регионов. Она публиковалась довольно регулярно с 1877 г. одним из подразделений Министерства внутренних дел империи – Медицинским департаментом, на смену которому в 1904 г. пришло Управление главного врачебного инспектора, преобразованное в 1916 г. в Главное управление государственного здравоохранения. Сведения о сибирских губерниях и областях более или менее систематически стали включаться в «Отчеты Медицинского департамента МВД» (с 1905 г. – «Отчеты о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России»), начиная с 1884 г. Публикация конкретных региональных материалов в авторитетном ведомственном издании означала, что специалисты признали их достаточно достоверными.

Интересующая нас статистика медицинского ведомства восходит в основном к административно-полицейским исчислениям населения (они учитывали и данные переписей – всероссийской 1897 г., немногих местных), а также к сведениям метрических церковных книг о родившихся и умерших.

Обе группы данных собирали и корректировали губернские и областные статистические комитеты. Материалы статкомитетов фигурировали в ежегодных «всеподданнейших» губернаторских отчетах, а с некоторого момента – также в печатных «Обзорах» губерний и областей. Будучи затем направленными в МВД (в Центральный статистический комитет и медицинское ведомство), губернские материалы здесь анализировались, в случае необходимости исправлялись, суммировались и потом публиковались. Статистика естественного движения населения, напечатанная ЦСК МВД, в основном относится к Европейской России, сибирские же реалии гораздо полнее представлены в изданиях медицинского ведомства¹. Известный демограф Р.И. Сифман, работавшая в 1970-х гг. с медицинской статистикой, относящейся к Сибири конца XIX – начала XX вв., оценивала ее как достаточно репрезентативную².

Конечно, привлеченный нами здесь комплекс статистических материалов не лишен недостатков. К сожалению, он совсем не содержит данных о населении Забайкальской обл. за 1884–1888 гг. Для всей России, в первую очередь для азиатской ее части, имеющиеся данные о числе жителей за многие годы не точны, а количество родившихся и особенно умерших вследствие несовершенства регистрации определяется неполно. На это неоднократно указывали сами составители «Отчетов» медицинского ведомства³. Помещенная в источнике информация местами легко обнаруживает свою уязвимость. Например, в ряде случаев составители два года подряд указывают в конкретной местности неизменное количество родившихся и умерших (в Томской губ. 1894 и 1895 гг., в Иркутской губ. 1902 и 1903 гг.). Тем не менее, привлеченная статистика позволила нам, пойдя на некоторые компромиссы, в удовлетворительной степени решить

¹ Далее в таблицах 1–4 и в тексте количественные показатели, если в примечаниях не указано иное, подсчитаны по источникам: Отчет Медицинского департамента Министерства внутренних дел за... [1883–1895 гг.]. СПб., 1886–1898; Отчет о состоянии народного здоровья и организации врачебной помощи в России за... [1896/1901–1914 гг.]. СПб.; Пг., 1905–1916.

² См.: Сифман Р.И. Динамика численности населения... С. 72–73.

³ См.: Отчет о состоянии народного здоровья... за 1903 г. СПб., 1905. С. 5–8; Отчет о состоянии народного здоровья... за 1909 г. 1911. С. 5; и др.

поставленные задачи. Информация о демографической динамике, выраженная после необходимых подсчетов в относительных величинах, в данном случае – в общих коэффициентах смертности, рождаемости и естественного прироста, как всегда, обладает более высоким качеством, чем выраженная в исходных абсолютных показателях¹.

Здесь полезно будет объяснить некоторые особенности «технологии» предпринятых нами подсчетов. Ежегодные годовые показатели смертности и рождаемости измерялись стандартно – путем деления количества умерших или родившихся за год на среднегодовую численность населения с последующим 1000-кратным увеличением полученного числа. Годовые коэффициенты естественного прироста населения представляют собой разности между годовыми коэффициентами рождаемости и смертности. Среднегодовое население (количество жителей на середину года) – величина, необходимая для определения коэффициентов рождаемости и смертности – везде исчислена путем деления пополам суммы численностей населения на начало текущего и начало последующего года. Коэффициенты за 3–5-летние периоды вычислены как простые среднеарифметические для всех годовых коэффициентов данного периода. Динамические ряды вычисленных показателей сведены нами в таблицы для последующего анализа.

Количественный и содержательный анализ динамики естественного движения населения начнем с ежегодного распределения коэффициентов в населении субрегионов западной части Сибири (табл. 1).

Таблица 1

Ежегодное естественное движение населения в субрегионах Западной Сибири на рубеже XIX–XX вв., %

Год	Акмолинская обл.			Тобольская губ.			Томская губ.		
	Смертн	Рождае	Естеств	Смертн	Рождае	Естеств	Смертн	Рождае	Естеств

¹ См.: Бахметова Г.Ш. Коэффициенты смертности // Демографический энциклопедический словарь. М., 1985. С. 210; Волков А.Г., Стеценко С.Г. Коэффициенты демографические // Там же. С. 205–206.

	ость	мость	енный прирост	ость	мость	енный прирост	ость	мость	енный прирост
1884	24,9	27,1	2,2	41,9	57,0	7,9	22,1	53,9	31,8
1885	18,0	27,1	9,1	38,3	53,3	15,0	29,6	51,4	21,8
1886	18,5	26,2	7,7	45,9	52,0	6,1	26,0	47,4	21,4
1887	19,0	29,1	10,1	43,9	53,9	10,0	25,4	51,5	26,1
1888	21,4	30,2	8,8	46,0	52,4	6,4	29,5	49,6	20,1
1889	22,9	32,2	9,3	42,2	51,3	9,1	26,3	45,8	19,5
1890	20,3	30,1	9,8	41,3	52,3	11,0	27,3	48,0	20,7
1891	28,8	32,5	3,7	43,2	52,0	8,8	24,5	44,0	19,5
1892	25,4	26,2	0,8	64,7	45,2	-19,2	43,8	54,9	11,1
1893	17,0	26,5	9,5	31,4	49,2	17,8	36,7	62,4	25,7
1894	17,7	28,3	10,6	36,8	47,7	10,9	37,4	62,4	25,0
1895	17,9	27,3	9,4	38,1	50,9	12,8	37,1	61,9	24,8
1896	20,3	29,3	9,0	41,7	52,8	11,1	33,4	57,1	23,7
1897	22,5	35,2	12,7	38,9	56,7	17,8	22,9	51,4	28,5
1898	18,5	29,7	11,2	40,4	54,0	13,6	27,7	50,0	22,3
1899	25,6	39,0	13,4	39,4	58,4	19,0	29,5	52,2	22,7
1900	28,0	41,0	13,0	45,1	59,8	14,7	35,1	54,5	19,4
1901	22,0	38,4	16,4	38,2	59,3	21,1	27,3	52,9	25,6
1902	18,4	33,3	14,9	44,8	54,3	9,5	29,3	52,6	23,3
1903	18,4	33,8	15,4	35,8	55,8	20,0	23,2	55,6	32,4
1904	27,4	38,5	11,1	42,9	56,4	13,5	32,7	52,8	20,1
1905	21,4	31,2	9,8	32,8	50,3	17,5	31,2	46,3	15,1
1906	25,9	42,5	16,6	38,5	54,5	16,0	34,6	57,1	22,5
1907	25,9	42,5	16,6	42,2	59,0	16,8	31,8	54,4	22,6
1908	24,0	40,0	16,0	39,8	59,3	19,5	35,5	56,8	21,3
1909	22,4	39,0	16,6	43,7	58,0	14,3	37,8	62,8	25,0
1910	29,6	46,3	16,7	39,4	59,9	20,5	32,7	57,3	24,6
1911	25,4	42,9	17,5	38,2	56,6	18,4	31,8	53,9	22,1
1912	25,0	42,3	17,3	35,5	51,4	15,9	33,3	55,5	22,2
1913	24,8	41,8	17,0	39,0	53,6	14,6	33,4	54,7	21,3
1914	23,8	43,3	19,5	37,9	55,5	17,6	31,4	54,0	22,6

В таблице 1 прежде всего обращают на себя внимание большие колебания в динамических рядах показателей естественного прироста во всех трех субрегионах. Материалы Акмолинской обл., Тобольской и Томской губерний демонстрируют ту же закономерность, что отмечена В.И. Прониным на общесибирском уровне: спады естественного прироста

приходится на неурожайные или малоурожайные 1888, 1896, 1900, 1902 гг., а также на военные 1900 и 1904–1905 гг. Низкий прирост в Акмолинской обл. и Тобольской губ. в 1884 и 1891 гг. связан с неурожаями предыдущих лет.

Источники и особенно методика подсчетов, примененные В.И. Прониным, не позволили ему заметить, что самый низкий естественный прирост за весь период 1861–1917 гг. население Сибири имело в 1892 г. Этот факт сложился вследствие неурожая и жестокой холерной эпидемии, охватившей значительную часть страны, в том числе субрегионы Западной Сибири. Эпицентр холерной «поветри» в Азиатской России находился в Тобольской губ., поэтому там наши подсчеты фиксируют не прирост, а «естественную» убыль населения в 19,2 ‰. В следующем 1893 г. в этой губернии наблюдался, напротив, один из самых высоких за всю вторую половину XIX в. естественный прирост, который имел компенсаторный характер. Эпидемия 1892 г. нанесла ощутимый ущерб также демографической сфере Акмолинской обл. и Томской губ., и здесь в последующие год или два тоже фиксируется компенсаторный всплеск.

Данные таблицы 1 показывают, что годовые колебания естественного прироста во всех субрегионах Западной Сибири имели сходную направленность, которая объясняется близостью природно-климатических, социальных и политических условий, в которых они развивались, а также наличием ряда общих характеристик демографической сферы. Однако имелись и различия. Одно из самых ярких заключается в том, что в лонгитюдном плане прослеживается устойчивая иерархия масштабов естественного прироста населения. В Томской губ. средний ежегодный показатель (уровень ряда) в период 1884–1914 гг. составлял 22,7 ‰, тогда как в Тобольской губ. – 13,2, а в Акмолинской обл. – всего 12,0 ‰. Отчасти здесь влияет неполнота статистической регистрации рождаемости и смертности в северных округах Тобольской губ. и особенно в аборигенной среде Степного края. Но, судя по всему, главной причиной этого явления была существенная

разница в составе населения субрегионов. В Акмолинской обл. большую часть жителей (до конца XIX в. – свыше 60 %, к 1914 г. – более трети) составляли «инородцы» – главным образом казахи. У них общий коэффициент естественного прироста, например, в начале XX в. был в три раза ниже, чем у здешних русских (около 7 ‰), что сильно снижало областные показатели¹. Не спасало даже наличие в населении Акмолинской обл. значительной доли казачества (в конце XIX в. – более 10 %), в среде которого был довольно большой естественный прирост. В войсковом сословии Сибирского казачьего войска в 1895–1898 гг. он составлял в среднем 20,6 ‰, в 1904–1907 гг. – 16,7, а в 1911–1914 гг. поднялся до 25,6 ‰².

В Тобольской губ. основную массу населения составляло старожильческое крестьянство, а в Томской губ., южная часть которой была территорией, за Уралом наиболее притягательной для аграрных мигрантов, к началу XX в. уже доминировали недавние переселенцы. Между тем, по данным массового обследования переселенческих поселков во всей Сибири и поселений старожилов в Томской губ., в 1906–1913 гг. среднегодовой естественный прирост в среде крестьян-новоселов составлял от 25 до 33 ‰, будучи местами на две трети выше, чем у старожилов³.

Коэффициенты смертности во всех субрегионах Западной Сибири также испытывали сильные колебания в динамических рядах. Летальность, как правило, усиливалась в неурожайные или последующие за ними годы (например, в 1884, 1891 и 1900 гг. в Акмолинской обл., в 1888, 1900, 1902 гг. в Тобольской и Томской губерниях). Бросается в глаза беспрецедентный для Сибири за всю изучаемую эпоху взлет смертности в «холерном» 1892 г. в

¹ Обзор Акмолинской обл. за 1903 г. Омск, 1905. С. 31; Обзор ... за 1905 г. 1907. С. 51–52; и др.

² Подсчитано по источникам: Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 330 (Глав. упр. казачьих войск). Оп. 43. Д. 1404. Л. 5–5 об.; Отчет о состоянии Сибирского казачьего войска за 1914 г. 1915. С. 8–10.

³ Подсчитано по источникам: Переселенцы, приселившиеся к старожилам, и старожилы Алтайско-Томской части Сибири. Томск, 1927. С. 194–195; Сборник статистических сведений об экономическом положении переселенцев в Сибири. СПб., 1912–1913. Вып. 1. С. 14–15; Вып. 2. С. 122, 126–128, 132–133; Вып. 3. С. 152, 156–158, 162–164, 168–170, 174–175; Вып. 4. С. 108, 112–113; Вып. 5. С. 173, 194.

Тобольской губ.: коэффициент летальности возвысился более чем наполовину по сравнению со средней за весь период 1884–1914 гг. величиной. В других субрегионах скачок смертности в 1892 г. оказался более умеренным. Высокие показатели смертности отмечены во всех трех субрегионах в 1904 г., когда началась Русско-японская война, обострились социальные и политические противоречия внутри страны.

Рождаемость в динамических рядах выглядит более стабильной, чем смертность и естественный прирост: в изучаемую эпоху она в основном зависела не от социальных, а от биологических и структурных факторов. Она в большой степени определялась уровнем брачности, возрастным и половым составом населения, неизменно находясь на пределе детородных возможностей женского населения. Но все же в таблице 1 колебания заметны. Снижалась рождаемость в «холерном» 1892 г. в Тобольской губ. и Акмолинской обл., в революционном 1905 г. – во всех трех субрегионах Западной Сибири. Компенсаторные всплески рождаемости отмечены в Акмолинской обл. 1891, 1897, 1900 гг., в Тобольской губ. 1897, 1899–1901 гг., в Томской губ. 1892–1896, 1900 гг. и т. д.

В комплексе высокие и наиболее устойчивые показатели естественного движения населения отмечались во всех трех субрегионах в 1906–1914 гг. На 1909, 1910 или 1911 гг. приходятся либо абсолютные пики, либо одни из самых высоких показателей во всех динамических рядах без исключения, и этот факт мы прокомментируем ниже. Пока же перейдем к анализу годовых демографических показателей в Восточной Сибири (табл. 2). Многое здесь, особенно в Енисейской губ., похоже на западносибирскую ситуацию, но обнаруживается и специфика.

Таблица 2

Ежегодное естественное движение населения в субрегионах Восточной Сибири на рубеже XIX–XX вв., ‰

Год	Енисейская губ.			Иркутская губ.			Забайкальская обл.		
	Смертн ость	Рождае мость	Естеств енный прирост	Смертн ость	Рождае мость	Естеств енный прирост	Смертн ость	Рождае мость	Естеств енный прирост
1884	41,3	48,8	7,5	36,6	48,2	11,6
1885	37,2	52,1	14,9	41,1	49,1	8,0
1886	43,0	50,6	7,6	39,0	47,4	8,4
1887	41,7	50,3	8,6	42,2	47,7	5,5
1888	36,0	50,7	14,7	40,7	47,2	6,5
1889	35,8	49,2	13,4	37,6	48,9	11,3	25,4	33,0	7,6
1890	36,0	47,8	11,8	32,1	45,8	13,7	28,4	32,3	3,9
1891	42,0	51,0	9,0	33,1	46,6	13,5	21,0	36,4	15,4
1892	40,4	54,4	14,0	34,0	45,0	11,0	22,0	38,3	16,3
1893	35,9	53,9	18,0	41,0	47,3	6,3	22,3	33,7	11,4
1894	38,9	54,8	15,9	39,0	47,4	8,4	26,3	41,0	14,7
1895	42,9	53,6	10,7	38,0	48,2	10,2	25,7	40,2	14,5
1896	43,2	50,0	6,8	39,3	48,0	8,7	25,1	39,2	14,1
1897	37,4	54,4	17,0	37,3	45,6	8,3	25,8	39,8	14,0
1898	38,1	52,8	14,7	37,1	44,8	7,7	24,6	37,5	12,9
1899	35,9	53,3	17,4	37,4	45,2	7,8	26,0	37,8	11,8
1900	44,8	59,1	14,3	34,1	44,4	10,3	24,3	39,7	15,4
1901	40,8	61,2	20,4	31,4	45,1	13,7	22,9	37,8	14,9
1902	36,2	56,5	20,3	35,3	49,2	13,9	20,7	34,8	14,1
1903	35,2	52,8	17,6	34,6	48,2	13,6	24,1	35,0	10,9
1904	33,9	51,1	17,2	35,6	42,0	6,4	25,8	35,2	9,4
1905	36,8	45,3	8,5	37,1	43,7	6,6	26,4	30,1	3,7
1906	36,0	51,6	15,6	29,4	39,1	9,7	20,8	29,5	8,7
1907	39,7	56,5	16,8	36,7	51,6	14,9	17,8	29,9	12,1
1908	41,8	61,3	19,5	35,3	48,6	13,3	24,8	39,1	14,3
1909	39,6	61,4	21,8	32,6	43,9	11,3	25,9	41,2	15,3
1910	37,9	59,7	21,8	33,4	45,9	12,5	25,5	39,1	13,6
1911	29,2	53,8	24,6	32,8	53,6	20,8	23,4	40,5	17,1
1912	35,7	57,2	21,5	25,9	40,1	14,2	24,2	39,1	14,9
1913	35,1	53,9	18,8	27,7	42,8	15,1	23,7	38,5	14,8
1914	31,7	53,9	22,2	28,8	47,7	18,9	26,4	44,7	18,3

В Енисейской губ. неурожаи привели к снижению естественного прироста в 1884, 1891, 1896 и 1900 гг. В последнем году XIX в. на сокращение этого показателя здесь, как и в субрегионах Западной Сибири, не

мог не повлиять призыв в армию для подавления восстания в Китае более 82 тыс. мужчин-резервистов¹. В 1904–1906 гг., когда на период Русско-японской войны в вооруженных силах оказалось примерно 160 тыс. здоровых мужчин-сибиряков в брачном и репродуктивном возрасте (до 8,5 % от общего числа таковых)², а затем разразилась революция, естественный прирост населения упал и в Приенисейском крае, и в Иркутской обл., и в Забайкалье. В 1898–1899 гг. действовали специфические для Прибайкалья и Забайкальской обл. причины сокращения естественного прироста, и в них еще предстоит разобраться исследователям.

Между субрегионами Восточной Сибири существовали различия в средней для всего динамического ряда величине естественного прироста, но они представлены не столь рельефно, как в Западной Сибири. Сказывается сходство природно-климатических, социально-экономических, историко-бытовых, ментальных и прочих условий, в которых развивалась демографическая сфера на всем пространстве востока Сибири. Для 1884–1914 гг. в Енисейской губ. уровень ряда равнялся 15,6 ‰, в Иркутской губ. – 11,0, а для 1889–1914 гг. в Забайкалье – 12,9 ‰. Если бы мы имели возможность ввести в расчет данные по Забайкалью за предыдущие годы, то уровень ряда здесь был бы не больше, чем в Иркутской губ. Разумеется, отмеченные все же различия объясняются действием комплекса причин. Определенно и здесь можно говорить о более полном учете движения населения в Енисейской губ. (точнее, в ее плотнее населенной южной части) по сравнению с двумя другими субрегионами. Известна закономерность: чем лучше поставлен учет рождаемости и смертности, тем выше статистически зафиксированный естественный прирост. Значимы были различия в составе населения. Енисейская губ. представляла собой край преимущественно крестьянский, с быстро растущей долей переселенческого элемента. В

¹ Шиловский М.В. Влияние Русско-японской войны 1904–1905 гг. на внутреннюю жизнь Сибири // Гуманитарные науки в Сибири. Сер. «Отечеств. история». 2004. № 2. С. 13.

² Там же.

Прибайкалье и особенно Забайкалье жило значительно больше «инородцев» – в конце XIX в. их было около четверти в населении. Наблюдатели указывали: естественный прирост «в округах, где преобладает бурятское (а также эвенкийское и иное аборигенное. – В.З.) население, самый незначительный, что объясняется меньшей рождаемостью среди этого населения»¹. Известный исследователь Н.П. Огановский по данным 1897–1914 гг. определял естественный прирост у аборигенных народов Сибири всего в 6–7 %². Возможно, демографию Забайкальской обл. несколько исправляло Забайкальское казачье войско, но эта гипотеза требует проверки. Во всяком случае, известно, что в неблагоприятном 1906 г. естественный прирост численности забайкальского казачества составил 14 %³, при средней величине по области, равной 8,7 %.

Как и на западе Сибири, во всех трех субрегионах Восточной Сибири в лонгитюдном плане заметна, при всех временных спадах, тенденция к увеличению естественного прироста населения. Максимальные или близкие к таковым величины и здесь приходятся на 1911 г., но эти величины даже в самом благополучном в демографическом отношении Приенисейском крае меньше, чем в Томской губ.

Колебание показателей естественного прироста и в субрегионах Восточной Сибири больше зависело от динамики смертности, чем рождаемости. Социально-экономические или политические факторы (неурожаи, эпидемии, военные и революционные события) обусловили всплески смертности в Забайкалье в 1890, 1894, 1904–1905 и 1914 гг. В Иркутской губ. соответствующие подъемы были в 1887–1888, 1893, 1896 гг., в Енисейской – в 1884, 1886, 1891–1892, 1896, 1900–1901, 1908 гг. Одни из минимальных в своих динамических рядах уровней смертности отмечены в Иркутской губ. 1906 г., в Забайкальской обл. 1907 г. Характерно, что на те же

¹ РГВИА. Ф. 330. Оп. 43. Д. 1402. Л. 6 об.

² Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири периода империализма (1900–1917 гг.). Новосибирск, 1976. С. 138.

³ Там же. Примеч.

(и на один-два предыдущих) годы в указанных субрегионах приходилось некоторое сокращение рождаемости. Дело в том, что в изучаемую эпоху показатели смертности задавались главным образом сверхвысоким уровнем младенческой и детской летальности. Согласно статистическим сводкам за разные годы изучаемой эпохи, младенцы, не дожившие со дня своего рождения до года, составляли 40–55 % среди всех людей, умерших в Сибири¹. Поэтому и подъем, и спад рождаемости с небольшим запозданием влекли за собой аналогичные изменения в общей динамике смертности.

Теперь сгруппируем данные обо всех выделенных для изучения губерниях и областях в укрупненные блоки и высветим таким способом картину во всем Сибирском регионе, а также в его восточной и западной половинах (табл. 3).

Таблица 3

Ежегодное естественное движение населения во всей Сибири, ее западной и восточной частях на рубеже XIX–XX вв., ‰

Год	Западная Сибирь			Восточная Сибирь*			Вся Сибирь*		
	Смертность	Рождаемость	Естественный прирост	Смертность	Рождаемость	Естественный прирост	Смертность	Рождаемость	Естественный прирост
1884	34,5	50,9	16,4	39,1	48,5	9,4	35,6	50,4	14,8
1885	31,7	48,5	16,8	39,0	50,7	11,7	33,3	49,0	15,7
1886	33,8	46,2	12,4	41,1	49,1	8,0	35,4	46,8	11,4
1887	32,6	49,2	16,6	42,0	49,1	7,1	34,7	49,1	14,4
1888	35,5	47,8	12,3	38,3	49,0	10,7	36,1	48,1	12,0
1889	32,6	46,1	13,5	32,7	43,4	10,7	32,7	45,3	12,6
1890	32,2	47,1	14,9	32,1	41,7	9,6	32,2	45,5	13,3
1891	33,0	45,4	12,4	31,3	44,0	12,7	32,5	45,0	12,5
1892	49,4	46,1	-3,3	31,3	45,3	14,0	43,8	45,9	2,1
1893	31,3	51,2	19,9	32,2	44,1	11,9	31,6	48,9	17,3
1894	34,0	50,6	16,6	34,1	47,2	13,1	34,0	49,6	15,6
1895	34,4	51,6	17,2	34,9	46,9	12,0	34,6	50,1	15,5

¹ Зверев В.А. Дети – отцам замена: Воспроизводство сельского населения Сибири (1861–1917 гг.). Новосибирск, 1993. С. 93; Он же. Воспроизводство сибирского населения... С. 134 (табл. 2).

1896	34,5	50,9	16,4	35,2	45,4	10,2	34,7	49,2	14,5
1897	28,5	50,6	22,1	32,9	46,3	13,4	29,8	49,3	19,5
1898	30,5	47,9	17,4	32,6	44,6	12,0	31,1	46,9	15,8
1899	32,2	52,0	19,8	32,6	45,0	12,4	32,3	50,0	17,7
1900	37,3	54,0	16,7	33,8	47,4	13,6	36,3	48,5	15,8
1901	30,1	52,5	22,4	31,2	47,5	16,3	30,4	51,1	20,7
1902	32,6	49,6	17,0	30,1	46,2	16,1	31,8	48,6	16,8
1903	26,6	51,7	25,1	31,1	45,1	14,0	27,9	49,8	21,9
1904	35,2	51,5	16,3	31,4	42,7	11,3	34,1	48,9	14,8
1905	30,0	44,9	14,9	33,0	39,1	6,1	30,9	43,2	12,3
1906	34,3	53,6	19,3	28,5	39,9	11,4	32,6	49,6	17,0
1907	34,1	53,7	19,6	30,5	45,0	14,5	33,0	51,2	18,2
1908	34,7	54,4	19,7	33,7	49,5	15,8	34,4	53,1	18,7
1909	36,7	57,0	20,3	32,7	49,4	16,7	35,6	54,9	19,3
1910	34,0	55,9	21,9	32,3	48,8	16,5	33,5	54,1	20,6
1911	32,3	52,5	20,2	28,1	49,0	20,9	31,2	51,6	20,4
1912	32,3	51,8	19,5	29,2	46,5	17,3	31,5	50,4	18,9
1913	33,3	51,9	18,6	29,3	45,8	16,5	32,2	50,3	18,1
1914	31,7	52,3	20,6	29,1	49,2	20,1	31,0	51,5	20,5

* В 1884–1888 гг. – без Забайкальской обл.

Данные таблицы 3 показывают, что в Западной и Восточной Сибири в изучаемую эпоху наблюдалось типологически схожее течение демографических процессов. Динамические ряды смертности и рождаемости были более близкими по виду на обеих территориях, чем ряды отдельных губерний и областей внутри этих территорий. Например, среднеарифметическая величина ежегодного естественного прироста за 1884–1914 гг. в Западной Сибири, равная 16,6 ‰, всего на 1,4 пункта превышала уровень соответствующего ряда в Восточной Сибири (15,2 ‰), тогда как разница в уровнях рядов естественного прироста в Енисейской и Иркутской губерниях составляла 4,6 пункта, а разрыв между Томской губ. и Акмолинской обл. достигал, как мы видели, 10,7 ‰. Средние уровни и рождаемости, и смертности в обеих частях Сибири также довольно близки, но в Западной Сибири они все же доминируют – на 2,9 пункта для смертности и 4,3 для рождаемости. Здесь определенно сказывается и лучшее

качество статистического учета естественного движения населения в Западной Сибири, и большой удельный вес в населении Восточной Сибири аборигенных народов, и, наоборот, меньшее присутствие здесь крестьян-переселенцев. Важную роль играют определенные различия в уровне брачности, половом и возрастном составе населения Западной и Восточной Сибири.

Объем статьи не позволяет нам подробно представить последний из перечисленных факторов. Напомним только, что в западной части Сибири, относительно более освоенной и благоприятной для ведения хозяйства, в крестьянских старожильческих домохозяйствах имело место оптимальное, с демографической точки зрения, соотношение количества мужчин и женщин, а в Восточной Сибири у старожилов, как и у новоселов, наблюдался половой дисбаланс в пользу мужчин¹. В таких условиях рождаемость (а значит, и зависящая от нее смертность) у западносибирских крестьян-старожилов должна была превалировать.

Как и на уровне субрегионов, в Западной и Восточной Сибири, во всей сибирской окраине годовые колебания смертности, сильнее зависящие от динамики внешних природно-климатических, социально-экономических и политических факторов, выглядели масштабнее, чем колебания рождаемости, в основном связанные с относительно стабильным состоянием самой демографической сферы общества. Годовые колебания естественного прироста больше всего зависели от динамики смертности, обычно даже превышая ее по размаху. Покажем это с помощью несложного математического аппарата. Для периода 1884–1914 гг. в Западной Сибири вариационный размах смертности (разность между наибольшим и наименьшим ее общими коэффициентами) равнялся 22,8, вариационный размах рождаемости был вдвое меньше (11,0), а размах естественного прироста равнялся 28,4. В Восточной Сибири соответствующие показатели

¹ См.: Зверев В.А. Семейное крестьянское домохозяйство в Сибири эпохи капитализма (историко-демографический анализ). Новосибирск, 1991. С. 42–44.

составили 13,9; 11,6; 13,8; в целом по Сибирскому региону – 15,9; 11,7; 19,8. Вариационный размах зависит только от двух самых экстремальных величин в ряду и не учитывает всего распределения показателей. Поэтому для трех итоговых для Сибири динамических рядов мы высчитали еще средние квадратические отклонения, т. е. нашли те интервалы, внутри которых колебались показатели вокруг их среднеарифметической¹. Среднее квадратическое отклонение для динамического ряда смертности в Сибири оказалось равным 8,3; для ряда рождаемости – 6,6; для естественного прироста – 15,8, что подтверждает наши предварительные наблюдения о соотношении динамики трех показателей естественного движения населения в регионе конца XIX – начала XX вв.

Наименьшим за всю изучаемую эпоху естественный прирост населения Сибири был в 1892 г., и это связано с холерной эпидемией в Западной Сибири (здесь мы находим единственную для всей таблицы 3 отрицательную величину естественного прироста). Отчетливо виден спад естественного прироста в политически экстремальных 1904 и 1905 гг. – на востоке, на западе и в целом по Сибири. Относительно небольшие показатели прироста видим в 1888, 1891, 1896 и 1900 гг., в основном из-за неурожаев в Западной Сибири и возрастания в связи с этим смертности. Впрочем, в 1886–1887, 1890, 1893 гг. наибольший урон понесла демография Восточной Сибири в силу местной специфики циклов неурожаев и эпизоотий.

Данные таблицы 3 таковы, что сквозь цикличность динамических рядов со временем все яснее проглядывает тенденция к стабилизации темпов естественного движения населения. Обращает на себя внимание тот факт, что, начиная с 1907 г., показатели во всех динамических рядах не испытывают резких колебаний вплоть до 1914 г. включительно.

¹ Методику исчисления показателей вариации и корреляционных коэффициентов, примененную в данной статье, см.: Славко Т.И. Математико-статистические методы в исторических исследованиях. М., 1981. С. 54–55, 89.

Впрочем, пока мы рассматриваем ряды ежегодных показателей, любые тенденции динамики естественного движения, даже если и обнаруживаются, то с большим трудом могут быть достаточно определенно описаны и объяснены. Для характеристики тенденций лучше подходят ряды показателей, вычисленных для хронологических периодов за несколько лет, при условии, что эти периоды выделены не произвольно, а обоснованно. В.И. Пронин в свое время аргументировал деление демографической истории Сибири рубежа XIX–XX вв. на несколько этапов¹. Воспользуемся его периодизацией, ретроспективно продолжим ее на 1880-е – первую половину 1890-х гг. и разделим процесс естественного движения населения Сибири, ее восточной и западной частей, сибирских губерний и областей на семь этапов продолжительностью от трех до пяти лет каждый (табл. 4). Полученные таким образом новые динамические ряды схематизируют демографические процессы, но одновременно делают их статистическое отражение более рельефным, более доступным для анализа.

Таблица 4

Динамика естественного движения населения России, ряда ее регионов и субрегионов по этапам на рубеже XIX–XX вв., ‰*

Годы	Акм.	Тоб.	Том.	ЗС	Енис.	Ирк.	Заб.	ВС**	Сиб. **	ЕР	Рос.
Смертность											
1884–1886	20,5	44,4	26,0	33,3	40,5	38,9	...	39,7	34,7	...	32,6
1887–1891	22,6	43,3	26,6	33,2	38,3	37,0	24,8***	32,9	33,1	33,1	31,3
1892–1896	19,7	42,4	37,5	36,7	40,4	38,3	24,3	33,6	35,7	35,8	32,0
1897–1901	23,4	40,4	28,6	31,8	39,4	35,4	24,7	32,6	32,0	30,1	28,8
1902–1905	21,4	39,0	29,1	31,1	35,5	35,7	24,3	31,4	31,2	29,4	27,9
1906–1909	24,4	41,1	35,1	35,0	39,3	33,5	22,4	31,4	34,0	27,9	27,4
1910–1914	25,6	38,0	32,5	32,7	33,9	29,6	24,7	29,6	31,9	25,7	25,3
Рождаемость											
1884–1886	26,8	54,1	50,8	48,5	50,5	48,2	...	49,4	48,7	...	47,7
1887–1891	30,9	52,4	47,7	47,1	49,8	47,2	34,0***	43,2	45,9	47,9	45,4
1892–1896	27,6	49,2	59,7	50,1	53,3	47,2	38,5	45,8	48,8	47,9	44,5
1897–1901	36,7	57,7	52,2	51,5	56,2	45,0	38,5	46,2	49,9	46,8	44,9

¹ См.: Пронин В.И. Население Сибири 1897–1917 гг.: основные этапы и источники роста // Народонаселенческие процессы в региональной структуре России XVIII–XX вв. Новосибирск, 1996. С. 102–104.

1902–1905	34,1	54,1	51,8	49,4	51,2	45,7	33,7	43,2	47,6	45,8	43,9
1906–1909	40,9	57,7	58,0	54,8	57,9	45,8	35,0	46,1	52,3	44,3	43,5
1910–1914	43,2	55,3	55,1	52,8	55,6	46,0	40,4	47,8	51,5	40,8	40,6
Естественный прирост											
1884–1886	6,3	9,7	24,8	15,2	10,0	9,3	...	9,7	14,0	...	15,1
1887–1891	8,3	9,1	21,1	13,9	11,5	10,2	9,2***	10,3	12,8	14,8	14,1
1892–1896	7,9	6,8	22,2	13,4	12,9	8,9	14,2	12,2	13,1	12,1	12,5
1897–1901	13,3	17,3	23,6	19,7	16,8	9,6	13,8	13,6	17,9	16,7	16,1
1902–1905	12,7	15,1	22,7	18,3	15,7	10,0	9,4	11,8	16,4	16,4	16,0
1906–1909	16,5	16,6	22,9	19,8	18,6	12,3	12,6	14,7	18,3	16,4	16,1
1910–1914	17,6	17,3	22,6	20,1	21,7	16,4	15,7	18,2	19,6	15,1	15,3

* Сокращения в тематических заголовках столбцов: Акм. – Акмолинская обл.; Тоб. – Тобольская губ.; Том. – Томская губ.; ЗС – Западная Сибирь; Енис. – Енисейская губ.; Ирк. – Иркутская губ.; Заб. – Забайкальская обл.; ВС – Восточная Сибирь; Сиб. – Сибирский регион; ЕР – Европейская Россия; Рос. – Российская империя в целом.

** В 1884–1888 гг. – без Забайкальской обл.

*** По данным 1889–1891 гг.

По данным таблицы 4, повсеместно в Сибири обнаруживаются господствовавшие в изучаемую эпоху в России, в большинстве ее регионов традиционные для аграрного общества черты демографической ситуации: а) очень высокая, стихийно складывавшаяся смертность и еще большая, почти нерегулируемая рождаемость; б) связь динамики уровней рождаемости и смертности, объясняемая с учетом очень высокого уровня младенческой летальности. Вычисленный нами коэффициент линейной корреляции динамических рядов смертности и рождаемости для всей Сибири 1884–1914 гг. равняется 0,47 (это на границе слабой и средней корреляции). Он был бы выше, если бы мы могли статистически оценить некоторое запаздывание младенческой смертности по отношению к рождаемости.

Определенное отражение в таблице получили и те исторические тенденции, которые характерны для начальной стадии демографического перехода – прогрессивного процесса, являющегося составной частью модернизации традиционного общества. Начальные проявления демографического перехода, или демографической революции, наметившейся в Сибири, как и в целом по стране, в пореформенный период,

статистически надежно фиксируются именно в материалах конца XIX – начала XX вв.¹

В масштабах всей Сибири, но отчетливее всего – в Восточной Сибири, в том числе в Иркутской губ., а на западе региона – в Тобольской губ. заметна тенденция к снижению со временем общих коэффициентов смертности. Причины такого снижения известны: а) формирование на рубеже XIX–XX вв. не только в центре страны, но и на востоке России сети медицинских и образовательных учреждений и, как следствие, наметившийся прогресс в медицинском обслуживании, санитарно-гигиенической культуре и витальном поведении сибиряков; б) определенный рост благосостояния крестьянства и горожан как проявление социально-экономического прогресса. В Западной Сибири тенденция к снижению показателей смертности развивалась латентно, обусловив зигзагообразный облик соответствующего динамического ряда. Здесь сокращение происходило трижды – в 1880-х – начале 1890-х гг., в середине 1890-х – 1905 гг., накануне Первой мировой войны. И дважды это сокращение сменялось скачкообразным приростом смертности: в 1892–1896 и 1906–1909 гг., что отражалось также на общесибирских показателях. В пределах Западной Сибири, как хорошо заметно, скачки произошли главным образом в Томской губ., а после 1906 г. – также в Тобольской губ. и Акмолинской обл. На востоке региона в 1892–1901, 1906–1909 гг. всплески смертности отмечались в Енисейской губ.

Указанные временные повышения общего коэффициента смертности в населении Сибири вряд ли следует считать проявлением регрессивных процессов возвратного (по отношению к демографическому переходу) характера. Дело в том, что именно в 90-х гг. XIX в., а затем особенно в годы Столыпинской аграрной реформы в Сибирь – прежде всего в алтайскую

¹ См.: Вишневский А.Г. Серп и рубль: консервативная модернизация в СССР. М., 1998. С. 112–157; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII – начало XX вв.). СПб., 1999. Т. 1. С. 209–211; Демографическая модернизация России, 1900–2000 / Под ред. А.Г. Вишневского. М., 2006. С. 9–17, 62–64; и др.

часть Томской губ., но также и в другие местности на юге Западной Сибири, в Енисейскую губ. переехало из Европейской России огромное по здешним меркам количество переселенцев. Неблагоприятные условия переселения и обустройства в Сибири стали причиной очень высокого уровня смертности аграрных мигрантов. По оценке компетентного эксперта – доктора М.Л. Айзина, на рубеже XIX–XX вв. летальность в среде переселенцев в первый год после отъезда с родины (в дороге и на местах вселения) составляла около 60–100 %, причем умирали в первую очередь дети¹. По мере обустройства домохозяйств новоселов в Сибири уровень смертности в их среде нормализовался. Таким образом, в динамических рядах смертности населения временные подъемы показателей сменялись их дальнейшим сокращением.

Как известно, на начальной стадии демографической модернизации, когда происходит снижение смертности, рождаемость населения продолжает сохраняться на прежнем уровне или даже несколько поднимается – за счет первых успехов медицинского обслуживания населения и некоторого улучшения уровня и качества его жизни. Во всей Сибири, в западной и восточной ее частях, во всех субрегионах мы обнаруживаем именно такую тенденцию. Специфическим фактором, подпитывающим ее, была повышенная рождаемость у переселенцев, доля которых, например, в сельском населении Сибири в 1914 г. приближалась к половине². Высокий уровень рождаемости в семьях удачливых мигрантов обеспечивали главным образом особенности их демографической структуры. Они состояли из сравнительно молодых по возрасту и физически здоровых людей, многие из них образовались недавно и находились на пике детородной активности. Не случайно рождаемость во всей Сибири, в ее западной и восточной частях имела два взлета показателей. Они приходились на 1897–1901 гг. (в Томской

¹ Айзин М.Л. Медико-санитарное обслуживание переселенческого движения // Сибирский медицинский журнал. 1925. № 2. С. 65.

² Горюшкин Л.М. Аграрные отношения в Сибири... С. 144 (табл. 13).

губ. и Иркутской губ. – на 1892–1896) и особенно на 1906–1911 гг., когда как раз наблюдались самые высокие волны миграционной активности на востоке Российской империи. Местами (Акмолинская обл., Иркутская губ., Восточная Сибирь в целом) второй взлет рождаемости запоздал и пришелся на 1910–1914 гг., когда столыпинская волна миграции уже пошла на убыль, но переселенческие семьи продолжали «осибирячиваться», в частности, оптимизируя свое демографическое поведение.

Несомненно, самым бесспорным и ярким проявлением начальной стадии демографического перехода в Сибири стал демографический взрыв. В изучаемую эпоху явное или латентное снижение смертности при стабильной и даже растущей рождаемости приблизило регион к установлению промежуточного (переходного от традиционного к современному) типа воспроизводства населения, который, в частности, характеризуется очень высоким уровнем естественного прироста. Взрывным обычно считают ежегодный естественный прирост, превышающий 20 ‰, но иногда – и показатели свыше 15 ‰. Раньше и решительнее всех других территорий Сибири в стадию демографического взрыва вступила Томская губ.: на всем протяжении изучаемой эпохи она имела естественный прирост свыше 20 ‰. Вслед за ней втянулись во взрывную ситуацию Тобольская и Енисейская губернии – с 1897–1901 гг., что, в частности, обеспечило с этого времени взрывные показатели в целом по Сибири и Западной Сибири. Акмолинская обл. «подтянулась» в 1906–1909 гг., а Иркутская губ. и Забайкалье, Восточная Сибирь в целом – только в 1910–1914 гг., при этом все же сохранив более низкие коэффициенты естественного прироста, чем у соседей.

Использованные нами в настоящей статье статистические материалы позволяют сравнить основные параметры естественного движения населения в Сибири с таковыми в Европейской России и Российской империи, взятой как единое целое (см. табл. 4). Прежде всего, обращает на себя внимание

принципиальное типологическое единство естественного движения населения к западу и востоку от Урала, в целом по России. Большая смертность, которая компенсируется высокой рождаемостью – черты традиционного типа воспроизводства населения. Высокий уровень естественного прироста – признак втягивания в переходную ситуацию, характерную для начала демографической модернизации.

В рамках типологического единства обнаруживаются особенности Сибири и ее субрегионов, отличающие их от Европейской России. В Сибири, особенно в Томской и Енисейской губерниях, снижение смертности было латентным явлением, «размытым» в статистике массовыми миграциями, а в Европейской России (и, как следствие, в целом по империи) оно протекало последовательно и однозначно. Единственный всплеск смертности к западу от Урала принесла холерная эпидемия 1892 г. Правда, Тобольская и Иркутская губернии, вся Восточная Сибирь, меньше других в Зауралье затронутые иммиграционными процессами, обнаруживают определенное сходство с центром страны в динамике смертности. Изменение рождаемости в Европейской России показывает, что этот регион дальше Сибири продвинулся по пути демографической модернизации, потянув за собой всю страну. Об этом свидетельствует тот факт, что к западу от Урала и в масштабах Российской империи в 1884–1914 гг. шло уже последовательное снижение коэффициентов рождаемости, в то время как повсеместно в Сибири они еще стремились к повышению.

Наконец, естественный прирост – интегративный процесс взаимодействия рождаемости и смертности, оказывающий огромное влияние на режим и тип воспроизводства населения, на его общую численность и структуру. В центре России и по стране в целом в изучаемую эпоху довольно успешно пробивалась тенденция к сокращению масштабов естественного прироста населения, что вполне вписывается в логику демографического перехода, причем не на самой ранней его стадии. Сокращение происходило в

1880-х – середине 1890-х гг., затем в 1897–1901 гг. случилось нарушение в этом процессе. Думается, что сказались благоприятные перемены в социально-экономическом положении значительных групп населения, и естественный прирост повысился сразу на треть. Однако затем он снова постепенно сокращался вплоть до Первой мировой войны. К востоку от Урала в 1884–1896 гг. кое-где тоже происходило уменьшение естественного прироста (в Тобольской губ., в целом по Западной Сибири), но эта тенденция не получила повсеместного и длительного развития. Начиная с рубежа 80–90-х гг. XIX столетия Сибирь выступает как регион с растущими, хотя и непоследовательно, показателями естественного прироста населения. Тенденция к росту пробивает себе дорогу и в Западной, и в Восточной Сибири, во всех губерниях и областях. Явный перерыв в ее действии случился только в 1902–1905 гг., вследствие засухи в начале этого этапа, перерыва в переселенческом движении, социальной и политической напряженности в два последних года.

Привлеченные нами материалы показывают, что в период 1884–1914 гг. важнейшей причиной той специфики, что обнаруживается в динамике естественного движения населения Сибири по сравнению с Европейской Россией, было положение нашего края как колонизируемой окраины империи. Земельные просторы привлекали на юг региона значительные массы аграрных мигрантов, которые обладали особыми демографическими чертами. Удельный вес переселенцев в сибирском населении быстро повышался, а вместе с этим происходило размывание, затушевывание статистических следов общих для всей страны модернизационных процессов. Размывались эти следы сравнительно легко еще и потому, что признаки демографической модернизации, по-видимому, проявились в Сибири несколько позже и слабее, чем в более развитых в социально-экономическом и социокультурном отношении центральных и западных регионах Российской империи.